

БАБОЧКА СКАЖЕТ ЖИЗНЬ...

* * *

Волк в овчарне, следы случайного божества.
Белые, глядящие вверх цветы.
Гудящий чайник. Утром ничего не говорит Москва.
Москва в руках торжествующей гопоты.
Москва принадлежит предателям, дуракам,
сволочи, у которой все пальцы давно во рту,
поэтому не за вас поднимаю свой тяжелый стакан,
синеющий на свету.

Рука печальная все не решается помахать,
и на причале только и смех, что блиц
различает, чтобы фотографию угадать,
такая, наверное, особенность у столиц –
кроить по образу, когда образ нынче один –
борца со свободой за собственные права.
Как получилось, настойчивый господин,
что у тебя на дворе не растет трава?

Утром лица белы, да голоса красны.
Рельсы остры, масло еще в цветке.
Время вставать, десять часов весны.
Время гулять погоду рука в руке.
Время кружить по городу вальс-бостон,
воздух пить, набираясь случайных сил.
Слушать, как нежно за голубым мостом
песню поет буксир.

* * *

Пашня, мягкая, как хлеб, солнце прячется в малине,
пароходы облаков разрывают небеса,
ты не смотришь мне вослед, я лечу на цеппелине,
только здесь, и был таков, полосатый, как оса.

Плеск воды, а рыбы нет, жар огня, а мы устали,
белым голубем летит яблонева судьба.
Звезды в поисках комет, жук сидит на пьедестале,
он блестит, как апатит, капли падают со лба.

Тихо в доме, но зато в нем живут не для забавы,
пиво черное жуют, фонари горят дотла.
Не откроет вам никто, от Берлина до Полтавы.
Будет каменным уют для железного тепла.

Хлеб давно тебе не брат, только водка колкой горстью
забирает воздух твой, оставляя пустоту,
будешь сам себе не рад, привечая эту гостью,
по ледовой мостовой, на расшатанном мосту.

Но она тебя поймет, губы в губы, грудь ломает
вздорных звуков череда, голоса вчерашних дней.
Эти губы – чистый мед, но она тебя не знает,
в этой жизни никогда не встречайся с ней.

постылый романс

никогда я не стану отвечать на чужие звонки
лучше выпью вина лучше выйду во двор покурить
сердца полая рана отпечаток горячей руки
остаешься одна с кем ты станешь теперь говорить

утром воздух лежит обнимая туман за ключицы
не заря нас звала а усталая воля судьбы
приготовимся жить угадав приближенье волчицы
из лесного угла где деревьев промокли столбы

нас никто не зовет только никнут под тяжестью ливня
плечи старых холмов где дорога лежит на земле
состоим из пустот и цены нам пробитая гривна
толкователи снов мы остались навек в ковчеге

открывая плечом эти черные страшные двери
рюмку солнца возьму чтобы светом лечить темноту
написать бы еще да чернил не достать в англетере
да не сладить уму если слово замерзло во рту

суетная нота

цветок бессилия. растение суицида. сельва зовет тебя.
а ты такая красивая, глазом одаришь, рублем погладишь,
сельдью стремительной в горло нырнешь,
а что там у тебя за огонек, ты мне его в сердце вставишь,
или посадишь меня на нож?

ртуть кружит голову, олово стынет на сыром сквозняке.
одними уколами не получится гадать по руке.
иди ко мне, цыганочка, цыпленка своего не зови,
а сан саныча сегодня загрызут соловьи.
хочешь весны, скромная, гладиолусы рви-не рви.
ничего, что так громко я о твоей любви?

пенка, пеночка, песня твоя легка.
здравствуй, милая девочка, гибкая, как строка.
пишу тебя, а что там у тебя за жернова?
это хлеб ломать, или ты опять не права?
это мы так познакомимся, или опять зима?
делай, как хочется. потом уходи сама.

* * *

На полях сидят грачи, огромные резиновые птицы,
в их желтых клювах приготовлен март, жуки бегут, но черные быстрее,
еще они так любят розовых, мягких дождевых червей,
а черви не кричат, когда их запихивают в глотку.

Сегодняшнее утро начиналось медленно, неспешно,
осторожно, горячее молоко смешалось с медом, малиновый чай,
еще сухой и страшно потенциальный, ждал в банке,
а рядом гречневая крупа пыталась что-то сказать нам,
но жестяная крышка глушила речь.

Сегодня утром воздух потеплел, над прошлогодней травой
поднялся небольшой пар, такой домашний пар,
высотой в спичечный коробок, а трава желтая,
а деревьев стволы черные.

Открывай все окна, воздух соткан из солнца и кислорода,
открывай двери, слушай, как происходит наше временное всегда.
Дуй на все, что пьешь, только не дуй на воду,
она и так холодна, эта медленная вода.

Поверни лицо к свету, оно станет золотом, или небом,
улыбнись, началась весна,
птицы, закрывают все поле своим черным, своим бесконечным хлебом,
и солнце зовет вверх, желанное, как блесна.

* * *

На небе козы, а в кустах соловьи,
високосные слезы самой, что ни на есть, любви,
сероглазые камни самого, что ни на нет, ручья,
была карма, стала опять ничья.

Ешь чахохбили, и тебя упрекнут за вкус.
Меня убили. Больше я не боюсь.
Отравили патокой, никого больше не узнаю.
Меньше капает алое на скамью.

На рассвете зеркала отражают мрак,
ночь не ушла, осталась, в грязном стекле кипит.
Ты друг мне, или опять камарад,
которого маленький ленин в душе не спит?

На земле пьезозвук станет отражением пустоты.
Суп наливай, есть хочу. Хлеба не пожалей.
Пилишь сук, а оказывается, это ты.
Жжешь свечу. Ждешь заводных шмелей.

Я вернулся, вы давно хороши.
Маленький ленин укусит, и был таков.
Или грызет от хребта до холостой души.
От стихов моих до самых моих стихов.

* * *

Говори, чья, она сама тебя, брат, прости.
На запах и вкус, на завалинке, грея выцветшего кота.
В окружении дурачья ум спит.
Станешь пуст, когда случается дурота.

Мир эклектики, хоть об забор бей.
Распугаешь, брат, голубей, пить дать.
А сытому волку что ты, что взьерошенный воробей.
Вы одинаково нехороши летать.

Завтра утром ротор прогонит в провода ток,
колба забыла свет, только и знает, что брать спирт.
Если пахнет паленым, это горит восток.
Он всегда горит, замечая, что запад спит.

Занавески тронет сквозняк, бабочка скажет жизнь,
яблоко катится куда.
Ты от меня беги, спать не ложись.
Между нами должна пролететь звезда.

Говори, чей, и ручей тебя унесет,
ты пропадешь в солнечной чешуе ручья.
Звездочет, небесная рыба, хмельной осетр,
нож в руках прочего дурачья.

Не говори алмаз, глазам станет совсем светло,
холод глаз – это единственное стекло,
в котором еще отражается день деньской,
не говори о пожаре, сам удушишь себя тоской,
еще живой, сверкающий не урони карат,
не говори ничего, молчание лучше, брат.

Прощание

На заре серая птица поднимается выше солнца,
дождь хочет пролиться, но ему не хватает сердца.
Ты стоишь на пороге, окруженная дымом ситца,
но ты не любишь его соседства.

Ты сама по себе, ты прялка и ты же пряжа,
ты песня, ты горло, ты белая, как бумага.
Сегодня никто больше тебе ничего не скажет,
сон твой алый будет сильнее и слаще мака.

Заката злато, кислот оранжевая облепиха,
ложатся спать меховые, а голые прячут лица.
Ты прости, что я ухожу так тихо.
Все как впервые, будет, зачем проститься.

Ты пойдешь прясть свою дорогую пряжу.
Я пойду плести свою песню, былинку, сагу.
Потом ты без меня ляжешь.
Потом я не с тобой лягу.

* * *

Кейсария. Уходящий в песок акведук. На другой стороне земли
серая утка тихо скажет тебе: дук-дук. Так что теперь голи.
До десяти, если десять еще наберешь. Если не страшно тебе считать.
Помнишь, ты украл хлебный нож, чтобы сердце его достать.

Корабел стоит у руля, но ему не дали ветрил.
Роза ветров цветет, но не дает корней.
Ты смотришь вниз, там земля, но ты ли ее открыл,
или это просто игра дорогих теней?

Поэтому пой себе, все остальное – разброд, разбой,
воровство последнего, когда первого не видал.
Серая утка плывет в воздухе над тобой.
Глаза ее, протяжные, как миндаль.